

ГЛАВА 1

Почему звонок с утра — это всегда ощущение кошмара? Вздрагиваешь, сердце бухается куда-то в живот, и по спине бегут мурашки. Даже если ты легла рано, почти трезвой и впереди выходной, звонок будильника — это зов на каторгу. Верный способ возненавидеть любую мелодию — поставить ее на будильник. Телефонный звонок среди ночи — это еще хуже, чем начало кошмара. Воображение сразу рисует землетрясения, цунами и нападение бандитов одновременно.

Первая мысль, которая возникла у меня: «Может, рассосется?» Но телефон настойчиво выводил трели, какая-то сволочь на том конце требовала моего внимания.

— Алло...

Это не сволочь, это Маринка. Бывшая сокурсница и нынешняя подруга по совместительству. Барышня не работала ни дня в своей жизни, с утра может торопиться только в салон красоты. Понятия дня и ночи у нее субъективные, а о таком изобретении человечества, как будильник, она и вовсе не подозревает. Маринка легко звонит в любое время суток. Впрочем, беспокоит она (правда, это по ее мнению) исключительно по вопросам неотложным, где цена либо жизнь, либо смерть, не иначе.

— Этот козел приперся под утро, весь в помаде, а я, по его мнению, параноик и истеричка. Так обращаться со мной после всего, что я для него сделала! На это может быть способен только абсолютный гад, — верещал бодрый голос.

Я бодрости не разделяла, информацию не всасывала, а внутренний голос предлагал пополнить ряды абсолютных гадов и положить трубку.

— Он думает — все ему будет сходить с рук. Не дождется! Мое терпение не безгранично! Я уже вызвала такси, сейчас приеду к тебе. Ты мне нужна, как воздух. У меня с собой вино, целая куча роллов и суши. Пока. Жди... — В трубке раздались короткие гудки.

— Жду, — выдохнула я. Будто у меня был выбор!

Внутренний голос обалдел и заткнулся. Ночь закончилась печально. С трудом разодрав глаза, я в отупении устала на часы. Интересно, роллы в четыре утра — это поздний ужин или ранний завтрак?

Делать нечего, приезд Маринки неизбежен. Придется вставать. До ее появления я даже успею умыться и выпить кофе.

Позвольте представиться: меня зовут Дарья Калинина, тружусь на поприще пиара и рекламы в маленьком, но гордом агентстве «PaRt». Тружусь долго, старательно и усердно, видимо поэтому месяц назад меня назначили креативным директором. Работа ответственная, интересная и очень активная, причем настолько, что запас событийности и деятельности, предназначенный мне судьбой на всю жизнь, сосредоточился на этой самой работе, то есть больше его ни на что не хватает. Те редкие персоны сильного пола, которые решились предпринять попытку построить со мной серьезные отношения, исчезали из жизни со скоростью, достойной ракеты, потеряв надежду вклиниться между очередными рекламными проектами. Впрочем, претензий я не предъявляю. Да и какие могут быть претензии с моей стороны, если отъезд очередного бойфренда я обнаруживаю, как правило, дня через три после сакрального события. Надеюсь, все мы остались друзьями. До выяснения отношений мы так и не доходили, и за не забранными впопыхах вещами они не возвращались, поэтому узнать это наверняка не представлялось возможности. Последний, например, забыл кота. Так что расставание было озаменовано лужей в коридоре и жутким голодным воплем. Пока меня не съели на ужин, я сбагрила разъяренное животное к соседке. Два ее малолетних спиногрыза бесперебойно его тискают, закармливают

колбасой и обещают вырастить тигра. Кот выглядит вполне довольным жизнью и толстеет на глазах.

Подруги давно потеряли надежду выдать меня замуж или хотя бы стабилизировать мою личную жизнь и добродушно подшучивают, что для сосредоточения моего внимания на чем-то, кроме работы, меня надо вывезти на другую планету. Кроме карьеры в моей жизни есть место квартире, оставленной бабушкой и не требующей моего особого внимания, машине, доставляющей в основном комфорт и положительные эмоции — ненавижу общественный транспорт во всех его проявлениях, и паре подруг, не посягающих на мою личную свободу. Одна из них как раз сейчас везет ко мне японскую еду и свои сложные любовные отношения в придачу.

Маринка у нас особа исключительно романтическая и любвеобильная, с детства озадачена понятиями о женской чести и порядочности, поэтому все отношения с особями мужского пола строит исключительно в браке. Но так как соответствовать ее представлениям об идеальном «принце на белом коне» практически невозможно, браки сменяют друг друга с пугающей регулярностью. Сейчас Маринка пребывает в седьмом из них, а счастья в личной жизни по-прежнему нет.

Послушав ее щебетание четыре часа кряду, поглотив немалое количество суши и выдув ведро кофе, сделала вывод, что и этот брак с очередным ненаглядным Вадимом, заключение которого мы пышно отмечали полгода назад, подходит к концу. Выслушав десяток сомнительных, на мой взгляд, и железных, на взгляд Марины, аргументов в пользу завершения тупиковых отношений, я сдалась под натиском подруги и согласилась поддержать ее в бракоразводном процессе. Тем более что мне отводилась роль символического утешителя.

Зачем ей сопровождающие в столь родном и регулярно посещаемом заведении, как ЗАГС, совершенно непонятно. Едва мы переступили порог Дворца бракосочетаний, Маринка оказалась в кругу любопытствующих сотрудников. Она так часто выходит замуж, разводится и так щедра на по-

дарки, что давно стала тут не просто любимым клиентом, но и дорогим другом. Буквально каждый работник ЗАГСа был рад ее видеть, готов внимать и сочувствовать. А я? Мне пришлось спастись бегством, дабы не затоптали. Я слиняла в соседний зальчик. Здесь было тихо и спокойно. Взгромоздившись на подоконник, быстро погрузилась в сон, которого меня так беспардонно лишили ночью.

Сон — моя ахиллесова пята. Лишенная этого бесценного дара Морфея, я становлюсь абсолютно недееспособной, невменяемой, никакой. Поэтому давно научилась восполнять его нехватку при наличии любой точки опоры. То есть заснуть могу в любом положении.

Вот и сейчас, видимо, я довольно крепко заснула, потому что очнулась от громкого и уже раздраженного Маринкиного голоса:

— Даш, ну ты где?

— Иду! — Я вспорхнула с насиженного места. В старинных и академических зданиях всегда высокие и тяжелые двери. Потребовалось немало усилий, чтобы эту дверь как-то отодвинуть. Натужный скрип — и ослепительно-яркий свет.

ГЛАВА 2

Комната, где я оказалась, меньше всего напоминала Дворец бракосочетаний. Небольшая, залитая солнцем светелка, беленая печка с прислоненным к ней ухватом, занавески в горошек, цветы на подоконнике в глиняных горшках, дубовый стол, на лавке толстый черный кот. Кот старательно вылизывал собственную шкурку, прикрыв от удовольствия глаза. Видимо, гостей он не ожидал, потому что, увидев меня, застыл в полном недоумении, так и не спрятав розовый язык.

Я тоже несколько удивилась. Надо же зайти не в ту дверь! Но до отвисшей челюсти дело не дошло. Чтобы далее не смущать кота, я решила поспешно удалиться. Дверь за спиной на удивление легко поддалась и с тихим скрипом

распахнулась. Дальнейшие события плохо поддаются логическим объяснениям. Больно стукнувшись о косяк лбом, дверь почему-то сделалась маленькой, я уткнулась носом в пыльные полки с банками и коробками. Сверху посыпались корзинки, метелка, еще какой-то хлам. Дверь привела в самую настоящую кладовку. От такой неожиданности я отшатнулась назад и ударилась, теперь уже затылком. Потирая обе шишки разными руками, обернулась к коту.

— Не поняла.

Кот с моральной поддержкой и объяснениями тоже не спешил, зато послышался скрип ступеней и чей-то голос:

— Кики, это ты? Проходи, спускаюсь я.

Наконец-то появится кто-то вменяемый, по крайней мере, владеющий человеческой речью, кто сможет объяснить, как попасть обратно в приемную ЗАГСa. В конце концов, я не сделала ничего противозаконного, перепутала двери случайно и не хотела никого беспокоить. Кстати, очень странное имя для кота, больше подходит для кошки. Впрочем, я знавала хозяйку, которая называла собаку Кошкой, а кошку Мышкой, и ничего. Психушка ее миновала.

Пока шаги медленно и скрипуче приближались, я оглядела диковинный интерьер. Неужели это декорации к свадебным церемониям? Что за удовольствие выходить замуж в такой вот сказочной избушке? Но, значит, пользуется спросом, если отгрохали. Надо будет Маринке посоветовать в следующий брак вступать в образе царевны-лягушки. Хорошо, что я обладаю железными нервами и устойчивой психикой, поскольку не каждый останется в твердом рассудке, узрев такое в городском Дворце бракосочетаний.

Появилась дряхлая сгорбленная старушка в меховом жилете, лаптях и синем платке, завязанном на голове вверх концами. Хитрые черные глазки уставились на меня, не мигая, огромный крючковатый нос принюхался, а подозрительно поджатые губы не скрыли двух острых клыков — один золотой, другой желтый, костяной. Ткнув в меня узловатым пальцем с не знавшим маникюра ногтем, бабка спросила:

— Ты кто?

Как в тумане, пришло понимание, что это не грим. Старушка не казалась правдоподобной, она и была самой настоящей. Вот тут, собственно, я и усомнилась в своем психическом здоровье, заподозрила у себя галлюцинации, когнитивный диссонанс и, как результат, подмену реальности. Я нервно хихикнула, а скорее хрюкнула, и тихо сползла на пол.

Сознание вернулось на пару с отвратительным запахом и ощущением мокрого лица. Веки с трудом поднялись, перед глазами была все та же бабка с клыками, заботливо укладывающая мне на лоб мокрую тряпку.

— Оклемалась, болезная, — проскрипела она. — Нервные девицы пошли нынче, чуть чего, сразу в обморок. Звать-то тебя как?

— Мм... да... я...

— Тебя, тебя.

— Д-даша, — наконец звуки сложились в слово.

— Дарья, стало быть. — Бабка довольно кивнула. — Хорошо. А я Яга, Баба-яга. Вот и познакомились. Если голова болит, так ты полежи. Вон шишки какие набила. А я пойду самовар поставлю, Кикимора зайти обещала.

Галлюцинации, решила я. Потрогала лоб, затем затылок. Столкновение с косяком было явно не в мою пользу. На руках осталась болотно-зеленая жидкость, это она так отвратительно пахла.

— Что это? — поинтересовалась я, убирая жуткую тряпку с лица и предполагая, что ответ мне не понравится.

— Настойка из мухомора, трын-травы и мышиного помета, да это для пользы дела, ты не сомневайся. Это ничего, что вонючая, зато действенная. Приложи, приложи, рог твой и рассосется. — Яга настойчиво водрузила мокрую тряпку обратно на лоб.

Настойка трын-травы сейчас не помешала бы мне в чистом виде и внутрь. Мои знания об этой травке ограничивались известной песенкой, но, думаю, настойка из нее должна действовать успокаивающе.

Яга, убедившись, что все в порядке, с кряхтением спустилась вниз. Я осталась одна и, все еще не веря в происходящее, рассмотрела помещение. Казалось, что сейчас выпрыгнет

смазливая ведущая с микрофоном и скажет: «Вас снимает скрытая камера!» Нет, такое разыграть невозможно. Просторная комната, большую часть занимает внушительная, грубо обструганная мебель, но отполированная и красиво расписанная: кровать, комод, шкаф, сундук. Старинное зеркало в резной раме пускает солнечных зайчиков по веселеньким плетеным половичкам. Я пошла разглядывать себя в зеркале. Отражение не изменилось, только глаза ошалевшие, как у того кота на лавке, и зеленая настойка из мухомора размазана по всей физиономии. Достала носовой платок из кармана брюк и, послонявив, стала оттирать лицо. Шишка действительно рассосалась — вот тебе и косметология. Чудеса!

В распахнутое окно влетел по-летнему теплый ветерок, а там, где я жила, с утра была только весна. Помнится, еще гадала, не замерзну ли в кашемировом костюме без куртки. За окном обнаружился плотно засаженный огород с симпатичным пугалом в соломенной шляпе. На плечо охраннику грядок примостилась ворона, задумчиво разглядывающая, на какой бы овощ покуситься. Вдруг пугало резко дернуло рукой, виртуозно поймало птицу за лапы и, мотнув ее перед собой несколько раз на манер лассо, с силой швырнуло за спину. Без единого взмаха крыльев птица со свистом скрылась за горизонтом. Я жалобно заскулила и шагнула назад, плотно задернув перед собой шторы.

— Так не бывает!

Это я головой ударилась. Сильно. Галлюцинации. Мираж. Когда я снова решила выглянуть в окно, пугало мирно покачивалось на палке.

Я глубоко вдохнула и, почти поверив, что мне померещилось, высунулась из окна посильнее, стараясь разглядеть окрестности. Налево за домом наполовину скрылось строение, похожее на сарай, справа виднелся край массивных ворот, окованных листовым железом. Довольно высокий забор открывал соседскую крышу с голубым коньком. Зато вдалеке простирались живописные зеленые холмы, заканчивающиеся синим лесом. Красота! Так легко давно не дышалось. Здесь воздух какой-то особенный. Вот и подошли к главному вопросу. Где — здесь?

Внизу Яга суетилась с самоваром, расставляла чашки, раскладывала пироги. Старушка явно ждала гостей. На мое появление отреагировала спокойно, только кивком за стол пригласила, будто к ней каждый день из кладовки выходили посторонние девушки в брючных костюмах.

— Где я и как сюда попала? — Я наивно думала, что ответ на этот вопрос даст возможность вернуться обратно.

— В доме у меня. Как попала? А я почему знаю? Тимофей говорит, из кладовки вышла, — беззаботно пожала плечами Яга.

Кот нехотя оторвался от миски со сметаной и ухмыльнулся.

Ага, значит, кота Тимофеем зовут.

— Ты сама-то откуда будешь? — поинтересовалась Яга. — Что не местная, это понятно, наши девки в мужских портках не ходят.

— Это не мужские портки, это брюки, у нас женщины в этом ходят и, надо заметить, прекрасно себя чувствуют. Из Москвы я. — Происходящее начинало раздражать. Я пошарила по карманам, но мобильный телефон лежал в маленьком рюкзаке, что был у меня с собой вместо сумки, а рюкзак, видимо, остался на подоконнике ЗАГСа.

— Москва? — задумалась бабка. — Нет, не знаю такого.

— Киев? Новгород? — перечислила я древнейшие города.

— Нет, никогда не слышала, — отрезала Яга.

Пришлось смириться с бабкиным неведением.

И как же мне выбраться отсюда, я не знаю, откуда? Вопрос колотился в голове, словно молоток в пустом ведре.

— Попробуем рассуждать логически. — Я закусила губу, размышляя и особо не рассчитывая на поддержку. — Если я зашла там, а вышла здесь, значит, надо сделать наоборот. Зайти тут, может, выйду там?

— Это ты в чулан ко мне собралась? — поинтересовалась Яга, подняв глаза от самовара. — Ну пойдешь сходи.

Чувствуя себя идиоткой и ни на что не надеясь, я подошла к уже знакомой двери, осторожно ее открыла — в проеме появился знакомый чулан. Полки с барахлом, корзинки, метелки. Закрыла дверь. Так, надо закрыть глаза. Отключи-

чить эту реальность. Я выдохнула и дернула ручку, открыла глаза — все тот же чулан. Не сработало. Обиженно всхлипнув, я предприняла еще несколько отчаянных и бесполезных попыток. Резко перепрыгивала через порог. Задерживалась в проеме, шагала задом наперед.

Яга и кот Тимофей с любопытством наблюдали за моим хождением в чулан и обратно. В глазах кота ясно читалось предложение сдать неугомонную барышню в известное заведение, специализирующееся на душевнобольных. Стараясь не обращать на них внимания, я сосредоточилась и снова кинулась в бой. Когда от хождения туда-сюда в одну и ту же дверь закружилась голова, шишка на лбу приняла угрожающие размеры (все-таки пару раз я не увернулась от косяка), надежда вернуться домой улетучилась безвозвратно. На подкашивающихся ногах я добрела до стола и села на скамейку.

Яга, ухмыльнувшись, подала тряпку, смоченную в настойке мухомора, кот, надменно хмыкнув, вернулся к сметане.

За столом сидела гостья.

— Кикимора я, — представилась довольно молодая на вид женщина с приветливым открытым лицом в зеленых веснушках. Зеленые водянистые глаза лучились любопытством, а зеленые кудряшки сжимались, словно пружинки, при каждом кивке. — Можно Кики.

— Дарья.

— Да ты не убивайся так, деточка, — увещевала новая знакомая с лучезарной улыбкой. — У нас тут хорошо, царство-государство спокойное, люди добрые.

— Царство-государство? Ага! Тридевятое? — предположила я.

— Отчего это Тридевятое? Почему такая несправедливость? Чуть что, так Тридевятое, — завозмущалась Яга. — И за что ему такая слава, этому Тридевятому? Оно и махонькое, и дворец плохонький, чудес раз-два и обчелся, и царь у них старый и плешивый. Только и грозит всем войной из-за печки, а толку — пшик. Трисемнадцатое у нас царство-государство, просторное, красивое, и поля есть, и луга есть, и озера, и реки, — тараторила бабка, наливая чай.

— А болота какие! — восторгалась Кикимора. — Глаз не отвести, залезешь — не вылезти.

— Стольный град — Светлый. Царь у нас — Дмитрий, — продолжала рекламировать место проживания Яга. — Знатный молодец.

— Хоть в гроб, хоть под венец, — слетел с моих губ почти рекламный слоган.

— Вот сейчас невесту себе подыскивает, — продолжила Яга, проверяя, рассосалась ли шишка у меня на лбу. — Так что ты вовремя.

— Предлагаете в массовых свадебных гуляньях участие принять? — Боль переливалась от затылка ко лбу.

— Не только, — вкрадчиво и туманно произнесла Яга и отвела взгляд в сторону. — Ты бы о себе, что ль, рассказала!

Подозрения сразу закрались в голову, и внутренний голос призвал меня к осторожности, но разум еще не включился в происходящее, и я без задней мысли поведала Яге и Кикиморе краткую историю своей жизни. А потом еще повторила эпопею своего попадания сюда. Слушали меня очень внимательно и, что забавно, ничему не удивлялись. Яга деловито уточнила, нет ли у меня в родственниках Кощея, бояр, чертей и прочей нечисти. Получив отрицательный ответ и заверение, что ничего подобного я в глаза не видела и вообще в колдовство не верю, изрекла:

— Замечательно!

— Не в бровь, а в глаз, — кивнула Кикимора. И добавила подозрительное: — А ты Ягуша, мастерства не теряешь.

Тетки заботливо подвинули мне с двух сторон тарелку с конфетами и блюдо с пирожками. По их влюбленным масляным взглядам ясно читалось, что они замыслили нечто недоброе. Но ни за что не признаются что.

— Дороги домой тебе, ягодка, нет. Про жизнь свою прошлую — забудь! — начала Баба-яга, аккуратно сложив корявые ручки на белой скатерти. — Горюй не горюй, а енто факт!

Я неопределенно кивнула. Не согласиться было сложно.

— Надобно определиться, чего ты тут делать станешь?

— Сложный вопрос, — уклончиво ответила я. — Согласна.

— Царь у нас жениться надумал, — встряла Кикимора и сразу пошла в атаку. — Так вот, иди за него замуж.

Пока я еще не подобрала отпавшую от такого предложения челюсть, Яга быстро разъяснила ситуацию::

— У нас бобылкой жить тяжело. Работать придется или прачкой, или кухаркой, а ты образованная, чего добру пропадать. Пойдешь в царицы, поддержку мы обеспечим.

Так как с моей стороны реакции все еще не последовало, бабка добавила:

— Хода другого у тебя нет! Не то съем, — и для пущего устрашения клацнула зубами. Потом безразлично заметила: — Соглашайся, али выгоню, ты здесь чужая, сгинешь.

Когда подружки шутили, что замуж меня выдать можно только под дулом пистолета, вариант съедения как-то не рассматривался. Но, глядя на бабкины не знавшие зубной пасты челюсти, поняла, что вариант с огнестрельным оружием гуманнее. В том, что клыкам этой пенсионерки не чуждо человеческое мясо, сомнений не возникало. Пришлось приложить усилие, чтобы закрыть рот и отложить не донесенный до него пирожок.

Кикимора как ни в чем не бывало жевала пирог с капустой, прихлебывала чай и ничего противоестественного в происходящем не находила. То есть с этой стороны поддержки не дождусь, на кота я даже оглядываться не стала. Мое молчание тут же было расценено как согласие, но я все-таки предприняла неуверенную попытку отказаться:

— То есть про «насильно мил не будешь» в вашем царстве не слышали?

— Я тебя за царя замуж выдаю, — оскалилась Яга. — Не за кузнеца. Корона всем мила!

— Резонно. В общем, принцип тот же, что и у нас.

— Да ты не переживай, — вмешалась Кикимора. — Царь у нас хороший, красивый, молодой. Девки за ним так и бегают, невест понаехало со всех сторон — прорва!

— То есть я не единственная?

— Нет, конечно, — всплеснула руками Баба-яга. И они с Кикиморой хором сообщили:

— Пятнадцатая.

— В первой двадцатке, можно сказать. А что, четырнадцать — мало? Я для ровного счета нужна?

— Да ты не считай, что много! Народу прорва, а жениться не на ком. Ни одной подходящей царицы, — возмутилась Кикимора.

— Это верно, — подтвердила Яга. — Жениться там не на ком. Аленушка, к примеру, с виду девка ничего так, симпатичная. Ага! С братцем приехала, а братец у нее, как известно, — козленочек. Это двадцать лет назад он козленочком был, а сейчас вырос, нормальный серый козел стал. Да не один он, стадо в двенадцать голов. Аленушка сама толком не знает, кто из этих зверюг ее братец. Вот женись на ней — она вмиг дворец в хлев превратит.

— Или Шахерезада. — Кикимора закатила глаза. — Восточная красавица. Говорят, ихний падишах по ней сильно с ума сходил. Чего в ней нашел, непонятно. Лицо косынкой закрыто, не видел никто, вдруг крокодил какой скрывается? А одета как? Срам! Пузо голое, портки прозрачные, все наружу — бесстыдница. Мой Леший углядел это безобразие, дар речи потерял, глаза выпучил, покраснел весь, я его неделю отваром из ряски отпаивала. Да-да!

«Если бы Леший вышел на улицы Москвы летом, никакая ряска его бы не спасла», — подумала я.

А Кикимора продолжила:

— Белоснежка приехала. Хороша — нечего сказать. Бела, черноволоса. Так тоже не одна. С ней гномы. В письме семь штук заявлено было, а приехало три десятка. А сколько понаедет после свадьбы — одному черту известно. И всем пропитание, содержание и развлечение предоставь. У нашего царя хоромы немаленькие, но где же на всех гномиков комнат набрать? И эта их страсть к драгоценным камням... Говорят, уже две стенки во дворце расковыряли. Такая царица нам ни к чему. — Кикимора глубоко вздохнула. — Пойду я, Лешему настойку принимать пора. Он без меня беспомощный, как маленький, сидит целый день, на рыбок смотрит.

Яга активно собрала пирожки в корзинку и вручила подруге.

— Провожать не пойду, дорогу знаешь.

— Да уж не заблужусь, двести лет сюда хожу, — махнула рукой Кикимора, скрываясь за дверью.

— Это ж сколько ей лет? — удивилась я, когда дверь за зеленоволосой теткой закрылась. — Выглядит она... ну на двадцать пять... так сколько ей?

— Да кто ж считать-то будет? У нас до столько-то не каждый умеет, — пожала плечами бабка. — Может, триста, может, и больше. А выглядит она как хочет. Водянистая натура, неустойчивая, чего с нее взять — то молодая, то старая, — и, подумав, добавила: — Так, нам делом заняться надо.

— Со стола прибрать, посуду помыть? — предположила я.

— Это я сама, чего мне, старой, делать-то? А с тобой мы переодеться пойдем, прихорашивать тебя будем.

— Вы всерьез считаете, что царь меня в жены выберет? — Даже если опустить странность предприятия, в его успех я не верила.

— Считаю я плохо, пишу тоже так себе, а вот царица из тебя будет знатная, — причмокнула старушка, поднимаясь наверх.

— Вы в невестах, вон, как в мусоре копаетесь. Под микроскопом рассматриваете. А про меня же ничего не знаете, — не унималась я. — Может, у меня странности какие есть или болею чем?

— Ты на себя не клевети, — пригрозила пальцем Яга. — А то накличешь. А странности мы твои изведем. Сейчас в нормальную одежду переоденем, и сама заглядишься. Тощая ты больно, ну да это мы откормим. Время есть маленько.

Спор зашел в тупик.

Бабка открыла сундук, достала вышитую рубаху и красный сарафан. Прикинула на меня, нахмурилась и достала другой сарафан, синий. Велела переодеться. Тоже мне, стилист-самоучка. Яга тем временем покопалась на самом дне сундука, с кряхтением извлекла красивый резной ларец. Едва она распахнула крышку, полыхнуло, словно солнце из оков вырвалось. Радуга заиграла на стенах яркими огнями. Я не очень разбираюсь в ювелирке, но никаких сомнений —

большая шкатулка хранила драгоценные камни. Настоящие сапфиры, бриллианты, рубины.

Яга поворошила богатство и вытащила горсть золотых цветов, обсыпанных крупными синими сапфирами и бриллиантовой росой. Работа изысканная, утонченная, безумно красивая.

— Вот это в уши, это на шею, а это браслетка.

Как зачарованная, я все послушно на себя надела.

— Да, украшения царские, нечего сказать. Я таких никогда не видела.

— Таких никто не видел, — усмехнулась Яга. — Они удачу приносят и беду, если понадобится, отведут. У самой Хозяйки Медной горы и то попроще будут, — гордо подтвердила Яга. — Тоже в царицы наши собралась. Камнями вся обвешалась, еле ходит. Пуда три на ней, поди. А что толку? Никакой живой камень ей не поможет. В ее горах мужики долго не живут, она уж семь раз замужем была, а опять собирается. Сколько мастеров переморила, а все мало. Не пара она нашему царю.

Ха! Маринка поступает гуманнее — развелась, и морить никого не надо.

Яга, довольно причмокнула языком:

— Хороша, ладенькая такая, — и беспардонно шлепнула меня по попе. Я взвизгнула, но на мое возмущение Яга и ухом не повела.

— Только волосы коротковаты, в косу плести нечего. — Я почувствовала, как меня больно дернули за волосы, и заорала, но звук пропал, как только увидела свое отражение в зеркале. Модная прическа, сделанная в одном из пафосных салонов Москвы, в один миг отросла на добрых тридцать сантиметров, и Яга ловко заплела волосы в косу. Вот тебе и наращивание волос. Определенно к такому мастеру по стилю стояла бы очередь. Как ни странно, но собственное отражение в зеркале мне понравилось. Сарафан мягко облегал фигуру, делая все тонкое еще тоньше, а все выпуклое еще пышнее. Васильково-синий цвет удачно оттенил серые глаза, и они стали глубокими и ясными. Камни красиво поблескивали сквозь выбившиеся из косы каштановые прядки,

придавая задорный вид. Хотелось улыбаться своему отражению и вертеться перед зеркалом. Яга копалась на дне сундука. Наконец выудила маленькие синие туфельки. Простые балетки. Со своими кроссовками расставаться не хотелось. Удобные «Скетчерсы», красивые, вполне вписывались в образ, особенно по нашим представлениям.

— Вот, пока надень, а твои к сапожнику снесу, он их каменьями украсит. На смотрины как раз успеет.

— На какие смотрины?

— А ты думаешь, на тебе царь не глядя женится? — хихикнула Яга. — Глядеть будет, приглядываться. Да ты не робей, отдам я тебя замуж.

Вот этого я и боялась.

— А еще кого царю сватают? — Не то чтобы меня интересовали конкурентки, но, как говорится, кто владеет информацией...

— Золушка приехала, — поморщилась Яга. — Замарашка в царицы метит. Этой Золушке только бы прибираться. Как приехала, в первый же день весь дворец вымыла, столько грязи нашла, что соседку мою Наталью, она во дворце служит по хозяйственной части, чуть не уволили за недоработку. Ходит в грязном платье с тряпкой и метелкой, ей не в царские жены, а в уборщицы надо. Женись на ней, так она уборкой замучит, дворец до дыр затрет, слуг придирами изведет. А потом, у нее в родственниках фея. Кто ее знает, чего у той на уме, а уж про мачеху и говорить нечего. Этой свое королевство маловато, так она и на наше зарится.

— Понятно, — поддержала я рассказ.

— Пара боярских дочек, дочь отца Лазаря, — перечисляла Баба-яга. — Да сама увидишь.

— Столько невест приехало, каждая со своими сопровождающими, и где они все живут? — Сразу видно, в государстве разворачивалось грандиозное мероприятие. — И сколько смотрины длиться будут? Когда царь решение примет? — Для себя же я подразумевала: «Сколько у меня времени, чтобы разобраться, что здесь к чему, и свалить домой?»

— Ой, живут кто где. Большинство, конечно, во дворце. Работы там прибавилось. Наталья командует, совсем с ног

сбилась, дочку забросила, — причитала Яга, складывая мой кашемировый брючный костюм в сундук. — Завтра большой праздник царь для невест устраивает, понятно, приглядеться хочет. Шуты заграничные приехали с гастролями. Фокусы всякие вытворяют. А через неделю невесты соперничать между собой будут, показывать себя. Вот тогда-то Дмитрий супругу и выберет.

— А если я царю все же не понравлюсь? И не стану его женой?

— Останешься у меня жить, по хозяйству помогать будешь, оно немаленькое. Один домовой сбежал, а второй не справляется. На заработки пристрою. — Яга подумала и добавила: — А может, щи с тобой сварю, на кой ляд ты мне нужна! Хотя от тебя изжога, наверное, будет.

Да, старушка с гастрономическими капризами. Перспектива попасть в щи меня не заинтересовала. Неоднозначный, конечно, предстоял выбор — между супом и браком.

— Жить тут будешь, — Яга обвела комнату рукой, — внизу, за печкой, дверь низенькая есть, туда ни ногой, там порог заколдованный. Ежели переступишь, в мышь обратишься. Чего с мышами делать, Тимофей знает. Там я живу. Во дворце, и если кто спрашивать будет, тебя моей внучатой племянницей представим. В молодости я такая же красавица была.

Сейчас так сразу и не скажешь, что у Яги могла быть молодость, и уж тем более красота. Но вслух подобные сомнения высказывать невежливо. Старуха продолжила:

— Хотя, наверное, спрашивать уж не будет никто. Кикимора и так весть по городу разносила. Охочая до сплетен она. Все слышит, все знает, все расскажет лучше глашатаев. Они только царское слово вещают. Приказы да праздники оглашают. А Кикимора, она разносторонние сведения распространяет. О, и то верно говорю. — Яга взглянула в окно и, умильно хлопая глазами, сложила руки на груди. — До чего народ к чужой жизни любопытный! Это они еще посовестились, детей подослали. А то у нашего люда ума хватит, они всей толпой придут!

Я выглянула в окно. На заборе и вправду сидели три пацана, и еще двое просунули головы в щели, образовавшиеся от отведенных в сторону досок.

— Иди, спустись к народу, царица должна привыкать к толпе. — Бабка подтолкнула меня к лестнице.

Господи, что я делаю и как я в это вляпалась?

ГЛАВА 3

Перед домом простирался довольно широкий двор, огороженный высоким забором с накрепко запертыми воротами, и только изгородь, отделяющая соседский огород, была низкой. Весь двор покрывала мягкая зеленая трава — ни одного вытоптанного кусочка земли, несколько тщательно ухоженных клумб, аккуратная поленница, ажурная кованая скамейка — все говорило о том, что и без сбежавшего домашнего Яга отлично справляется с хозяйством. На улице народа оказалось гораздо больше. Через сплошной забор Яги разглядеть хоть что-нибудь возможности не было, поэтому люди заходили к соседям, что-то выспрашивали у девочки, сидевшей на поленнице, не сводя глаз со двора Яги. Соседская девчонка, до этого внимательно читавшая книжку, теперь то и дело поднимала голову и кричала каждому посетителю, что мать во дворце, сегодня может и не прийти. Гости, не огорчаясь, уходили, не забыв на обратном пути поглазеть в мою сторону. Как корова в витрине! Сидеть на скамейке не хотелось, поэтому я тоже решила испытать терпение девочки с книжкой.

— Привет! Как тебя зовут? Меня — Даша. — Я облокотилась на забор, предусмотрительно низкий между двумя огородами. Видимо, Яга тоже была не прочь поболтать с соседкой.

— Знаю, ты пятнадцатая невеста царя. Я — Аксинья. — Девочка с любопытством разглядывала меня черными умными глазенками. — Я про царских невест все знаю.

Для города, в котором из информаторов одна Кикимора, очень хорошо осведомленный народ.

— Моя мама во дворце работает, — продолжила девочка. — Она невестам удобства обеспечивает и за порядком присматривает. Ее почти никогда нет дома, — печально подвела итог Аксинья.

— Понятно. Ты скучаешь?

— Я привыкла, — резко ответила малышка.

— А что ты читаешь?

Девочка глубоко, по-взрослому, вздохнула.

— Я не читаю, я только учусь. Всего несколько букв знаю, а в школу меня не берут. Говорят — рожать учить не надо, а остальное бабам ни к чему.

— Хочешь научу? — предложила я, раздосадованная мужским шовинизмом. К тому же Аксинья мне понравилась. Смышленная девчонка со смешными, торчащими в разные стороны косичками.

— А ты умеешь? — недоверчиво прищурилась собеседница, но уже пошла навстречу, захватив с собой книжку.

Получив утвердительный ответ, Аксинья невозмутимо отодвинула доску в заборе, пролезла к Яге во двор и уселась на скамейку. Я села рядом, взяла книжку. Да, не азбука, но хотя бы детская, буквы большие. Оказалось, девочка знает только три буквы, так что начать пришлось с алфавита. Аксинья быстро запоминала и вскоре уже прилично складывала буквы в слога.

— А считать ты умеешь? — На меня напал преподавательский азарт.

— До десяти! А ты дальше знаешь? — Мне попалась сомневающаяся ученица.

— Смотри...

Я разложила прутики на скамейке. Девочка все схватывала на лету. Удивительное желание учиться, редко встречающееся у детей.

— Ты очень способная, — похвалила я. — Зря тебя в школу не берут.

— Маленькая, говорят, — пожала плечами Аксинья. — А еще мама рассказывает, Прокоп Фомич девочек не любит. Только он и мальчиков не любит, но про девочек говорит, что их учить бесполезно. Девкам замуж выходить, детей ро-

жать да пироги печь. Учить их — только время переводить. — Зажав нос, передразнила учителя девочка.

Я не выдержала и засмеялась:

— А ты не согласна?

— Нет, конечно. Я замуж вообще не пойду. От мальчишек одни беды. Мама обещала мне настоящего учителя нанять. Звездочета нашего. Я хорошо-хорошо учиться буду, и он меня в помощники возьмет. Я ученой стану.

Потрясающе! Кажется, в Тринадцатом государстве зарождается феминистское движение, а царь и не в курсе.

— У нас дома много книжек. Мне мама всегда покупает. Я их все прочитаю.

— Я тебе помогу, — пообещала я, впечатленная детской целеустремленностью.

— Это ты, что ли, пятнадцатая царева невеста? — вмешался зычный мужской голос.

Из широко распахнутой калитки в воротах уверенно шагнул парень. В распахнутой на груди рубашке, небрежно подвязанный поясом, шитым золотыми нитками. Резко очерченные черты лица и лохматая шапка блестящих на солнце кудрей, коричневых, с ржеватым отливом.

Я замерла, парализованная наглым синим взглядом и насмешливой улыбкой. Парень беззастенчиво встал перед нами, упер руки в боки и оглядел меня с ног до головы, будто голую. Я аж задохнулась от его наглости.

— Ничего так, симпатичная. А звать, говорят, Дашкой?

— Говорят, в Москве кур доят, а пошли и не нашли. Сам-то кто будешь? — в тон ему ответила я.

Откуда только повылезали шутки-прибаутки? Я надеялась, что он не заметил моей растерянности. А он смотрел на меня с любопытством и в упор. Так на меня еще никто не глядел ни по ту сторону двери в чулан, ни по эту. От его взгляда по телу разбежались мурашки, вспыхнули щеки, вспотели ладошки. Внизу живота потеплело, дыхание сбилось. Я продолжала заливаться краской и молчать. Он тоже молчал и ухмылялся. К счастью, вмешалась Аксинья:

— Это Митька, стрелецкий посыльный. Нахал и шалопай, он Бабе-яге дальним родственником приходится, вот и

захаживает сюда по делу и без дела. Мамка говорит, его драть в детстве надо было чаще, от него бы проку было больше.

— За рекомендации спасибо. — Парень заржал и ничуть не смутился. — Только смотри, чтобы тебя саму мамка не выдрала, у тебя опять коза сбежала.

Аксинья ахнула, подлетела к забору, оглядела свой огород, убедившись в пропаже, запричитала:

— Она не сбежала, это Васька, стервец, ее отпустил, чтоб ему пусто было! Не могла она сама убежать, я ее на две веревки привязывала. Прибить его следовало сразу после рождения!

У меня пропал дар речи. У маленькой девочки почти ангельской внешности, тянувшейся к знаниям, и такая отборная брань! А Митька хохотал, аж на скамейку плюхнулся и толкнул меня локтем в бок. Не сильно, но меня словно молнияшибанула. Аксинья выбежала со двора, видимо, за козой, даже книжку забыла.

— Точно, Васька, — не унимался парень. — Это он ухаживает за ней так. Внимание проявляет.

— Интересное проявление симпатии.

— Ага. Только он козу не отпустил, а увел, — радовался Митя. — Обратном потом приведет, за поцелуй. Это я его научил.

— Нашел, чему мальчишку научить, еще и гордишься этим?

У Митьки был такой самодовольный вид, будто он Америку открыл.

— А чего бы не гордиться? — не понял парень. — Разговор только про щечку был, не про другое. А вот я бы...

Он придвинулся поближе ко мне и приобнял за талию. Собрав все свое самообладание, я смиривала его ледяным взглядом, надеясь, что сердце не выскочит и не замечется по двору.

— У меня коза не пропала!

— Ну и глазюки, ледяные, уколотся можно, — недовольно брякнул Митя, но руки убрал.

— А что я невеста царская, тебя не смущает? — Интересные у них тут нравы.

— А что? У нас в Тринадцатом все любовно. Да и какая ты ему невеста, ты же его не видела!

— Это верно, сначала поглядеть надо. А то Яга уже решила, что я царицей стану.

— Может, и станешь, Яга зря болтать не будет. — Митя пожал плечами. — Ты не смотри, что старая, она еще о-го-го. На ушко наговорит, травкой напоит, и ни своих, ни чужих не найдешь.

— Что она «о-го-го», это я уже поняла. — Можно было бы добавить, что и почувствовала на себе. — И травки тоже оценила. — И спросила для поддержания светской беседы: мне почему-то не хотелось уходить и не хотелось, чтобы уходил Митя:

— Я всегда думала, что Баба-яга должна жить в избушке на курьих ножках. А тут вон какой терем.

— Ну и что, что терем. Избушка на курьих ножках тоже имеется. Да еще какая, с характером, с такой не каждая управится. Только она в вояж отправилась прошлым летом. Людей посмотреть, себя показать.

— В вояж?

Парень говорил про путешествующую избушку так буднично, как про курицу, перебежавшую дорогу.

— Ага, путешествует, — подтвердил Митя, в его глазах плясали золотые чертики.

Наши глаза встретились. Повисло молчание. Я, как ни старалась, не могла отвести взор, и сказать больше было нечего. Ситуация становилась абсурдной. Я не выдержала и засмеялась. Митька тоже. На хохот вышла Яга.

— Гляжу, уже познакомились? Да у вас тут веселье?

— Здорово, бабуль. Как жизнь? — радостно откликнулся парень.

— Хорошо, милый. — Яга улыбалась, сразу видно, родственничку рада, соскучилась, должно быть. — Ты Емелю не видал? Этот брехун мне с утра еще чистотела привезти обещал, а уж солнце садится.

— А к какому утру, не сказал? Может, через неделю? — пошутил Митька

Яга засмеялась.

— И то верно! Емелю только за смертью посылать.

— Да я тоже его жду, мне тут воевода задание дал, так я бы на его печке враз смотался.

— Он давеча жаловался, что печка его своенравничать стала, — обеспокоенно поделилась Яга. — Я ему поленцев заговоренных приготовила...

Я не вмешивалась в разговор, пользуясь опустившимися сумерками, тайком разглядывала нового знакомого. Высокий, широкоплечий, стройный, одним словом, впечатляющий. Митя разговаривал с бабкой, широко, белозубо улыбаясь и то и дело приглаживая пышные темные кудри. Вышитая белая рубашка открывала мускулистую загорелую грудь и сильные властные руки, в которых я уже успела побывать. Не помню, чтобы мне встречался парень, который вот так взбудоражил с первого взгляда. После долгих лет общения с противоположным полом, многочисленных ухаживаний и романов я наконец встретила мужчину, на которого хотела бы произвести впечатление. И, главное, где нашла? Не в соседнем офисе, не в банке, не в магазине автозапчастей — в сказке, в мире, о существовании которого знать не знала и до сих пор еще не очень в него верю. Опять залившись румянцем, словно школьница, не находя себе места, встала и подошла к забору. Соседний огород пустовал, в доме свет не горел.

— Аксинья еще не вернулась.

— Вернется, не переживай, — отмахнулся Митька. — И коза найдется.

Яга тоже махнула рукой, дескать, не впервой, и ушла в дом на стол накрывать, велев не задерживаться.

В калитку еле слышно поскребли, петли скрипнули, и во двор заглянула растрепанная голова с хулиганистыми глазами.

— Мить, я это — того... — Мальчишка запинаясь, опасливо поглядывая на меня. — Козу потерял. Ну то есть она сама убежала. Боднула меня и убежала. — Мальчишка потер худой зад.

Васька — догадалась я, а вслух сказала:

— Хорош ухажер, нечего сказать. Козу со двора увел, еще и потерял. Ну тогда тебе от матери Аксиньи и ремня получить. На этот раз без поцелуев обойдешься.

— Ничего, у него шкура толстая, потерпит, да, Вась? — Митя хохотал.

— Я уже от самой Аксиньи огреб.

Свет из окна упал на чумазую физиономию. Под глазом красовался синяк. Митька захохотал пуще прежнего.

— Боевую невесту ты себе, брат, выбрал.

— Ничего, вот женюсь... — Васька сощурил глаза. — К порядку приучу.

— Это ты на Аксинье жениться собрался? — На вид пацану было лет двенадцать, во всяком случае, до женитьбы еще расти и расти.

— А то на ком же? Мой отец на мамке женился, ей пятнадцать лет было. Аксинье через четыре года сравняется, я и женюсь. А там мужу не заперечит, — невозмутимо выложил планы мальчик.

— Деловой подход. — Мне нечего было возразить в ответ на такую железную логику. — Так Аксинья замуж не собирается, она учиться хочет.

— Да какая ей еще учеба нужна? Бабе чего нужно — дети и мужик! — уверенно разглагольствовал Вася. — И книжки читать некогда будет.

— Вот шовинист! Заморыш мелкий, а командует! — Я уже сама готова была возглавить феминистское движение в Тринадцатом царстве.

Тем временем издали послышался голос Аксиньи.

— Зорька... Зорька-а-а!

Малолетний агрессор нырнул в кусты со словами: «Она и второй глаз подбить обещала».

Оставшись вдвоем на скамейке, мы с Митей засмеялись. Его лицо было так близко, что я чувствовала горячее дыхание, пахнущее мятой. Душа металась — то взлетала ввысь, то уходила в пятки, сердце сладко замирало.

«Господи, что я творю...» — пронеслось в голове.

ГЛАВА 4

В этот миг ворота шумно распахнулись и во двор скакнула печка. Заслонка отлетела в сторону, горящие поленья высыпались на траву перед домом Яги. В клубах сизого дыма печка угрожающе встала на дыбы.

— Стой, проклятая, — заорал мужской голос откуда-то сверху.

Я оторопело смотрела на аппарат, вытаптывающий бабкин двор. Она живая? Механическая? В сознании не укладывались ни принципы работы самоходной печи, ни само ее существование. Волшебная?

— Тихо-тихо, тихо-тихо, — залепетала Яга, бесстрашно выскочив навстречу, похлопала строптивую по беленому боку и незаметно чего-то плеснула в огонь. Печка выплюнула пучок зеленых искр и успокоилась.

— Фуф, извела она меня сегодня! — С печи слез молодой упитанный парень, измазанный копотью. Поясок, подвязывающий рубаху, сполз набок, на светлых волосах хлопьями осела сажа. — Целый день как коза скачет, не пойму, чего хочет. Упарился!

— Это мы поправим, — пообещала Яга. — Перетопил ты ее, жарко ей. Сейчас поленьев принесу.

— Емеля, — представился увальень. — А вы, наверное, Дарья — будущая супруга нашего царя.

Я в очередной раз опешила от того, с какой скоростью разносятся новости и как быстро народ делает выводы, — но кивнула и улыбнулась парню.

— Я бы съел чего, а то перенервничал. — Емеля погладил себя по пузу, видимо, процедуру знакомства он считал законченной. — Блинов мне Бабуля-ягуля обещала.

— Емель, я печку твою позаимствую? Смотраться кое-куда надо, — спросил Митя, помогая Бабе-яге укладывать заговоренные поленья в топку. Дрова искрились и шипели, но печке нравились, это сразу стало понятно.

— Бери, коль с джигитовкой знаком, — отмахнулся Емеля. Из избы до него уже донесся аромат блинов, и, потянувшись носом к двери, парень чуть его не прищемил. Емеля

облизывался, словно кот на сметану, предвкушая удовольствие, и печка несколько отошла на задний план.

— Ну, все, готово, — подвела итог Яга, пристраивая за-слонку. Печка пыхнула и выпустила ровное колечко дыма, видимо, в знак согласия. — Можно ехать. — И пошла в дом. Емеля поспешил за ней. На пухлом лице ясно читался от-личный аппетит.

Я тоже пошла следом, но замерла, почувствовав горячее дыхание над ухом и руки на плечах.

— Я ненадолго, скоро вернусь, — быстро прошептал Ми-тя и, вскочив на печку, выехал за ворота.

Я, совершенно ошарашенная, на ватных ногах зашла в дом. Какой-то малознакомый шалопай ввел меня в такое по-терянное состояние, что в один миг его синие глаза захвати-ли все мое сознание. Вытеснили все переживания и сомне-ния. И даже мое сложное положение и полная жизненная неизвестность как-то поблекли на этом фоне.

Яга уже умыла Емелю, чистого и розового, словно поро-сенок, усадила за стол. Парень уплетал золотые поджари-стые блинчики, щедро политые сметанкой, и прихлебывал ароматный травяной чай, всем своим видом выражая, что рай, он тут, рядом с блинами и Бабой-ягой.

Я рассеянно помешивала чай ложечкой, и только укориз-ненный взгляд Яги заставил немного поесть. Мысли то и де-ло возвращались к Мите.

Совершенно непонятно, почему этот молодой человек вывел меня из душевного равновесия сильнее, чем само попадание в Тринадцатое царство. Мне наяву мерещи-лись его сумасшедшие глаза, а одно воспоминание о нахаль-ной улыбке заставляло краснеть, как подростка, и полоумно улыбаться.

Емеля, осознав тем временем, что в него точно больше не влезет ни одного блинчика, довольно зевнул и, сладко потя-гиваясь, принялся нахваливать стряпню Яги.

— Лучше тебя, бабуль, никто готовить не может, мне к те-бе даже ездить не лень. Как подумаю о твоих пирогах да блинах, так сразу слюнки текут и ноги сами к тебе бегут.

— Ой, Емелюшка. — Яга зарделась как девочка. — Жениться тебе надо. Хозяйка твоя и кормить тебя будет, и поить, и любить.

— Не-эт, это я ленюсь, — отмахнулся парень. — Девки, они больно шустрые, за ними не поспеешь. А я суеты не люблю. Все эти хихоньки да хахоньки, шутки и прибаутки я не понимаю.

— Так ты не на хохотушке женись, — не унималась бабка. — Тебе надо серьезную девушку найти, спокойную и хозяйственную.

— Нет, мне не нравится эта мысль, — упорствовал Емеля. — Да и где ж такую найти?

— А чего искать-то. — В дверях стоял Митя. — Нашел же уже. Это не ты ли вчера весь вечер на Несмеяну пялился?

— И ничего я на нее не пялился, прогуливался я там, свежим воздухом дышал. Да и печке моей поразмяться надо.

Но Митька не унимался:

— Выхожу я вчера от воеводы, а в царском парке, в беседке, Несмеяна сидит со своей нянькой, семечки щелкает, — вкрадчиво вещал парень. — А наш жених на своей печке подъехал, под яблоней в саду спрятался и глазеет. Часа три неподвижно пролежал, пузо, наверное, затекло, и яблочка не откусил, и не заснул даже, все глаз с девки не сводил. А она сидит и в ус не дует, семечки грызет, — ухмылялся Митя.

Яга засмеялась, я тоже улыбнулась, а Емеля смутился, глаза в пол оставил.

— А вообще да, — стыдливо согласился увалень. — Несмеяна, она славная. И молчаливая, и серьезная, сидит себе на скамеечке и не мелькает. На нее смотреть — одно удовольствие. Да только она к царю приехала. Ее нянька уж больно серьезно настроена.

— Да от царя-то, поди, не убавится, ему Несмеяна все равно не пара, а тебе в самый раз, — бесцеремонно заметила Яга. — Ты только, Емель, не теряйся, понапористей действуй. Вон, Митька долго не разговаривает, за ним девки и бегают.

— Девки, может, и бегают, — согласился толстяк. — А женить ты его все равно никак не можешь.